

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ ХАЙМО ХОФМАЙСТЕРОМ

Das Gespräch mit Prof. Dr. phil. Heimo Hofmeister

Professor für Religionsphilosophie und Philosophie an der Universität Heidelberg

профессор Хаймо Хофмайстер, доктор философских наук,
почетный доктор СПбГУ, Гейдельбергский университет
имени Рупрехта и Карла (г. Гейдельберг, ФРГ)

Как подчеркнул сам доктор философии Хаймо Хофмайстера (год рождения — 1940), его нельзя причислять к поколению «детей войны», так как он был слишком мал в период развития данного мирового конфликта (Вторая мировая война), а родители рассказывали ему не так уж и много. Его расплывчатые воспоминания, которые необходимо крайне аккуратно приписывать к описанию действительной жизни в упомянутое время, представляют собой некие «зарисовки» детского восприятия окружающей атмосферы, некоего «семейного пространства»: «Отца не было рядом. Но один раз он приезжал...наверное, это было «увольнение», некий «отпуск»...Он пробыл дома недолго, вскоре уже должен был снова уехать. Тогда я не понимал, почему так происходило... С 1945 года в западной части Европы жилось достаточно хорошо. Мирно. Это было «счастливое время». И, конечно, я не мог и не могу себе представить, как это было вообще возможно, что все солдаты (мой отец не имел какого-то высокого звания, просто рядовой солдат незначительного ранга), должны были уходить на фронт, зная о вероятности быть застреленными. К тому же как могли они точно знать, что происходит на том самом фронте, когда около 14 «отпускных» дней проводили дома с семьями. Загадка».

Далее приводится расшифровка интервью с профессором и доктором философии Хаймо Хофмайстером, которое мы провели в спокойной форме, предоставив возможность нашему гостю самостоятельно синхронно расширять «коллекцию эскизов» своей памяти через те внутренние «резонансы», возникновение которых провоцировалось нашими вопросами.

АССОЦИАТИВНЫЙ РЯД

Уважаемый профессор Хаймо Хофмайстером, для начала, я хотела бы, чтобы Вы озвучили те ассоциации, которые возникают в вашем сознании при столкновении с определенными понятиями. Постарайтесь, пожалуйста, ответить одним словом, где это возможно.

Символ (нем. das Symbol) — Знаки.

Письмо (нем. der Brief) — Зависит от повода письма...причины... Пожалуй, любовь.

Стихотворение (нем. das Gedicht) — Приятно слушать.

Фотокарточка (нем. die Fotografie) — На сегодняшний день — уход в тень черно-белой фотографии (нужно отметить, что «Аналоговая черно-белая фотография vs. Цифровая фотография» — привычный спор среди творческой интеллигенции. Однако на сегодняшний день фотография черно-белого формата (аналоговая или же цифровая) актуальна в любом случае в силу своего эстетического и символического значения. С одной стороны, фотокарточка «черно-белого омота» акцентирует внимание реципиента на содержании и композиции работы, цвет здесь уступает место светотени и ее игре, с другой стороны, в подобном творчестве осуществляется коммуникация между настоящим к прошлым на уровне «фиксированного визуального», позволяющего предмету воздействовать на человека экстатически. — прим. АИПА). Профессор Х. Хофмайстер, однако, отметил, что «бесполезно сравнивать фотоаппаратуру 40-ых годов и сегодняшние технологии». Мы имеем возможность делать так много фотокарточек, что, просматривая их (зачастую в целях дополнительной обработки), удаляем бездумно тысячи зафиксированных *уникальных* моментов жизни. «Раньше не было возможности удалять фотографии, можно было лишь сменить пленку. Моменты, удачные или неудачные, — все сохранялось». Скорее, новые технологии во многом обесценили фотографию, как и сами люди.

Семья (нем. die Familie) — Большое счастье. Под «большим счастьем», которое обуславливает наличие семьи, профессор подразумевает не только родителей, бабушек и дедушек, а так же возможность «иметь собственную семью. Это не только некая любовь, любимая женщина рядом... Большое счастье — всё это в целом».

Друг (нем. der/die Freund/in) — Высокая гора. Дружба очень важна в нашей жизни. Иметь друга просто необходимо. При этом важно и самому осознавать, что есть дружба, «решаться» на дружбу, как решиться взойти на гору, высотой как минимум 400 м.

Сами немцы говорят, что для них дружба — одна из граней фундамента социальных отношениях. Они могут быть очень активны в общении с людьми, иметь множество контактов и связей, но друзей, реальных друзей, у них единицы, и это, как правило, те, с которыми знаком минимум лет семь. Только после такой «выдержки» отношений люди действительно становятся друзьями, и уже на всю жизнь. Профессор подтвердил данную информацию, отметив, что «в России с этим немного иначе. Возможно, из-за большей свободы передвижения (нем. die Freizügigkeit). К тому же бывают ситуации, когда слишком долгое общение между людьми приводит к тому, что они настолько надоедают друг другу, что отстраняются и уже не знают толком, заговорят ли снова. Во избежание подобного, человек начинает как бы внимательно «сортировать» свое окружение, так как не все одинаковы и не на всех можно положиться в случае непредвиденной ситуации, трудностей и т. п. Также многое зависит от того, как я сам развит, кто есть я сам, и чего ожидаю от другого. В 15-16 лет, например, мы совершенно открытые, только развиваемся как личности. Близки ко всему, что нас окружает, не нуждаемся в некоем «отстоянии» от мира. *Ожидание, его оправдание или разочарование* — основное чувство данного периода. Конечно же этого очень мало для выстраивания каким-либо серьезных отношений. Нужно все-таки, чтобы прошло время».

Потеря (нем. der Verlust) — Смерть.

Воспоминание (нем. die Erinnerung) — Горячо любимые.

Цензура (нем. die Zensur) — Политически, по-моему, цензура обуславливает коренные изменения, переломы в жизни (нем. die Einschnitte des Lebens). Это также, например, «цензура», затрагивающая мои собственные границы, или же мои собственные границы как некая внутренняя цензура. Общественность также окружена некими «проведенными» границами, в ареале которых что-то делать можно, но за черту которых переходить нельзя. Большинство, конечно, придает цензуре негативную коннотацию, но она может носить и позитивный характер.

Прошлое (нем. die Vergangenheit) — Наше «смешение» с воспоминаниями. Каждый имеет свое прошлое. Каждое воспоминание, несет что-то «над» и «под» собой. Эти «над» и «под» — некий туман, дымка, которые окутывают точки «открытых» воспоминаний. Мы живем с нашим прошлым.

Будущее (нем. die Zukunft) — Будущее — это надежда.

ЛИЧНАЯ ИСТОРИЯ

Что для Вас лично история?

Это точно не факты, даты или какие-либо последствия и предпосылки. Это что-то большее. *История — это изменяющаяся, определяющаяся и проходящая жизнь.* Наша история определяет нас, наше прошлое определяет нас. Мы как бы «живем из» своей истории. Наша личная история, но также и политическая история, все те влияния, что мы претерпеваем, все те наши «за» и «против», что мы отстаиваем, вся та история, про которую мы узнаем в процессе обучения, — все это определяет нас. Жизнь среди двух историй: историей прошлого и историей настоящего, — удел каждого человека. Кроме того, корни, история семьи, история страны имплицитно влияют на жизнь каждого, на его собственную индивидуальную историю.

С какого впечатления, или образа, или мысли Вы начинаете помнить себя?

Хм..возможно какой-то учитель. Может какой-то философ. Образ...образ... Да, все-таки учитель и учеба как таковая. В моих воспоминаниях образ учителя всегда очень позитивен, учеба же во многом определила мою дальнейшую жизнь. На меня частично повлияли и школьные учителя, и преподаватели из университета. Встреча с этими людьми — это всегда определенные точки, этапы в жизни. Взаимоотношения с учителями, разговоры с ними, — тот ресурс, из которого, будучи молодой, еще становящейся личностью, можно было очень многое подчеркнуть. Мои школьные учителя были очень открытыми людьми, толерантными. Учитель должен быть хорошим медиатором, посредником между учеником и тем знанием, которое последнему необходимо освоить. Он должен быть и образованным человеком с характером, в меру строгим и в меру мягким. Хотя, безусловно, надо отметить, что иногда в школе плохой учитель намного ценнее, чем хороший. Он может неосознанно спровоцировать ученика к глубокому самостоятельному постижению различных областей знаний, невольно лишая его возможности окунуться в них в стенах учебного заведения.

Что особенно повлияло на Ваше восприятие себя и мира в детстве, в юности, в зрелости?

Мое детство «окрасилось», очевидно, моментом бегства с нацистской территории. Мы бежали от американских бомб. Помню, должны были сначала ехать на поезде, который порой покачивался от волн взрывов.

В юности же на меня сильно повлияла религия. В сложные периоды жизни человеку тяжело осознавать причины выпавших испытаний, трудно представить свое будущее. Когда же есть некое неосоздаемое, а значит и неприкасаемое посредничество между настоящим и будущим, человек обретает внутри себя некий смысл в жизни, который объясняет даже то тяжелое, что его окружает, что предстоит выдержать и побороть. Чем тяжелее порой бывает, тем более необходима возможность осознания, что так было предопределено не просто так, что нужно не сдаваться и пережить.

Присутствует и желание справедливости, которая, как правило, наступает позже, как бы уравновешивая все тяготы жизни. И ты не должен сомневаться в том, что она (справедливость) придет. Конечно, есть и несправедливость. Но несправедливость не непреодолима. Она может меня сломить, или даже уничтожить, но, в конце концов, я буду спасен. Это один из решающих пунктов религии.

Религия помогла мне преодолеть то отчаяние, которое окутывало меня уже в школьные года. Я сменил восемь школ. Я, так сказать, «школьный эксперт». (*Смеется*). Каждый раз я оказывался в новом окружении. При этом школы отличались своими особенностями. Одни были очень хорошими, в других же обучение проходило достаточно легко и свободно. В итоге моя учебная программа была настолько нестабильной, что, приходя в очередную школу, я либо уже знал все, что дети только начинали осваивать, либо сталкивался с необходимостью догонять одноклассников. Например, в детстве мне пришлось повторно проучиться три месяца в начальной школе в Швейцарии. Такое происходило нередко. Но здесь, помню, я столкнулся с тем, да и, честно говоря, был поражен, что швейцарцы в учебном процессе менее дружелюбны, чем другие. (*Смеется*). Но зато, когда я вернулся обратно, я мог уже и умножать, и делить, и так далее, и мне это очень нравилось. Так происходило в течение всего периода получения мною школьного образования. Как правило, однако, мной всегда было освоено много больше, чем моими одноклассниками. Поэтому вскоре для меня стал болезненным процесс постоянной смены общения, постоянного несоответствия (возрастного или интеллектуального) меня и окружающей обстановки. Это то и повлияло на меня достаточно негативно. В один из моментов ко мне пришло даже отчаяние... Но я знал... я не отказался от надежды, что, в конце концов, я закончу школу, успешно завершу свое школьное образование. (*Смеется*). Мои родители имели намного больше причин для отчаяния, в любом случае. В такое то время.

В зрелом возрасте я должен был идти на военную службу, в 19 лет. И здесь я столкнулся с совершенно другим миром, с которым надо было знакомиться, который надо было осваивать.

Интернаты...их было очень много. Но к подобному общежитию я привык. Надо сказать, что я по-долгу жил в интернатах. Помню, мне было 5 или 6 лет, моей сестре было 5. Это было, конечно, что-то особенное. Тяжело было в отдалении от семьи. Но зато, когда приходили родители или бабушка с дедушкой, Оооо!, это было настоящим событием. Но большую часть времени ты сам с собой, в достаточно эгоистичной обстановке, несешь индивидуально ответственность за собственные действия и поступки. Кроме того, до бегства мои родители были представителями среднего класса, имели нормальный социальный статус. Но после побега все мы были вынуждены учиться сожительствовать с другими людьми, которые были различных профессий, имели совершенно иное мировоззрение, делали непонятные нам вещи.

С подобным же я столкнулся и на службе. Необходимо было уживаться с другими служащими. Этому нужно было действительно учиться, так как иначе ты не будешь принят в новом обществе. В моей «компании» (роте — прим. АИТИА), например, было 10 ребят, которые имели аттестат о среднем общем образовании (нем. das Abitur). Все другие не заканчивали школ. И вот было сразу видно, кто имеет подобный аттестат, — тот, кто без понятия, как это держать автомат. (*Смеется*). Но все-таки малообразованные люди ведь тоже Люди. И люди, которые стоят выше по социальной лестнице, являются также *всею лишь* людьми.

Я рос в то время, когда самым ужасным считали все нарастающее пребывание русских на территорию Германии и Австрии. Корейская война... Русские в это время были очень активны. Стоит также подчеркнуть, что даже я, бежав с семьей в центр Вены (с 1945 г. по 1955 г. был зоной совместной четырехсторонней оккупации (советский, американский, английский и французский сектора) — прим. АИТИА) был будто бы из самой России. Если снова вернуться в мое детство, то я бы упомянул вот какой момент. Моя прабабушка (с которой я имел счастье быть знакомым), когда пришли русские, а именно советская армия (здесь нужно говорить осторожно), поясняла, что она должна была бежать, так как солдаты имели намерение изнасиловать женщин. Девушки знали, что мужики с фронта делали в таких ситуациях, поэтому и бежали. Очень многие, конечно, погибали, им приходилось постоянно прятаться, есть — нечего, они были совершенно изголодавшиеся. Конечно, я надеюсь, что сейчас уже никому и никогда не доведется испытать такого. Но вот что нужно понимать. С одной стороны, мой прадедушка был застрелен. С другой стороны, моим прабабушке и прадедушке были известны и другие советские солдаты, из русского офицерства, от которых они получали и еду, и тепло, и иную помощь первой необходимости. Здесь я хочу подчеркнуть ту мысль, что уже высказывал выше: *все мы люди*. Могло повлиять, конечно, то обстоятельство, что офицеры были более образованными относительно большинства рядовых солдат. Они лучше осознавали, что другие (даже будучи противниками, даже если вы стреляете друг в друга) враги лишь в

пространстве войны, когда правит определенный момент, которого завтра уже может и не быть. Всю эту амбивалентность человек также должен как-то пережить.

Кроме того, лишь через три дня после капитуляции Германии был введен «Plünderung Recht» («Приказ о запрете мародерства»). Из этого следует, что в течение трех дней солдаты союзнических войск, находящиеся на территории оккупационной зоны, могли брать из домов немцев и австрийцев все, что они хотели, и посылать данные вещи на Родину. Так вот половина пользовалась данным положением, но было и множество исключений. К тому же такая ситуация была «двусторонней». Случаи мародерства и недостаточного обеспечения были и на территориях Германии и Австрии, и на территории стран-союзников. Помню, один коллега в России даже извинился передо мной в дальнейшем за те действия мародерского и иного (преступного) характера на австрийской земле (я австриец, не немец), в которых были уличены солдаты русской армии. Но я сказал, что и другая сторона вела себя не лучше. Такое не происходит в одностороннем порядке. Если есть жестокость, она присутствует, как правило, с обеих сторон. Отличие здесь лишь только в том, кто победитель и кто проигравший. По итогам окончания любого конфликта априори считается, что победитель никогда не прибегал к жестокости, а вот проигравший всегда только подобного характера действия и совершал. Этим «окрашивается» финал любой войны.

Таким образом, ваше детство проходило в атмосфере «постоянного непостоянства». Частые смены места жительства, образовательных учреждений сопровождалась перманентным чувством страха, неуверенности и неопределенности. Какая же любимая игрушка была у Вас в детстве?

Хм...Сложный вопрос...Отчасти можно сказать, что в это время просто не было игрушек. (*Смеется*). Что давали в руки, в то и играли. Отчасти же, что касается меня лично, то при бегстве игрушки конечно же с собой не возьмешь. Позже...может и не было любимой... может...А! Железная дорога (нем. Eisenbahn). Да, именно железная дорога. Это была сначала деревянная «железная» дорога (*смеется*), потом уже электрическая.

Кстати, одна из причин, почему мы бежали, — я был немного болен. У меня был средний отит (нем. Mittelohrentzündung), его лечили пенициллином. Так вот врач сказал, что уже точно известно, наступает советская армия, и снабжение лекарствами и иным медицинским продовольствием на том уровне, что был, будет прервано. Бежать надо было незамедлительно, так как было просто неизвестно, можно ли будет вообще позже уехать.

Когда Вы начали заниматься альпинизмом?

С пяти лет. Сначала просто за компанию с родителями, затем более интенсивно стал заниматься в студенческие годы.

Как данный вид спорта связан с Вашим путем в философии?

Очень сильно. Альпинизм начал развиваться еще в XVIII веке. Я написал несколько работ касательно практики альпинизма, подойдя к ней с философской точки зрения (например, «Восхождение на гору: поиски себя или поиски Бога», *Studia Culturae*: Вып. 2 (28): Academia: С. 62–75. — прим. АИТИА). Очень люблю труды Франческо Петрарки, который еще ранее, в XIV веке, писал о значении горных походов, выявлении пути в горы, об открытии природы как ландшафта.

Есть такое выражение «не сотвори себя кумира». Имел ли место в Вашей жизни какой-то кумир?

Кумир — нет, идеал — да. Знаете, я считаю, что без какого-то идеала, примера мы не можем жить. При этом это «Идеальное» должно быть совершенно абстрактным. Именно к такой Идее человек может без оглядки стремиться. Большинство, при этом, осознают, что они никогда не достигнут этого самого идеала. Однако эта абстрактная идея служит тем толчком, который побуждает человека модифицировать, преобразовывать свою жизнь.

Считаете ли Вы себя частью определенного поколения?

Конечно я принадлежу к некоему поколению. Но каждый ведь из нас является представителем своего поколения.

Что в таком случае по Вашему мнению объединяет людей Вашего поколения? События? Отношение к современности? Общие образы памяти? Ценности? Определенные книги?

Я полагаю, что такой объединяющей идеей или мыслью моего поколения является *интерес к свободе, стремление к свободе, свободе не от чего-то, а к чему-то*. Сегодня большой интерес сосредоточен на исследовании степени осознания людьми наличия у них личной свободы, самостоятельности, независимости.

ИСКУССТВО КАК ОДНА ИЗ ГРАНЕЙ ИСТОРИИ ЛИЧНОСТИ

Какой вид искусства согласуется с Вашим мироощущением?

Я ничего не понимаю в искусстве. Ну, возможно, я мог бы сказать, что сегодня это музыка. Но сам я петь и играть совершенно не умею. Пение для меня было вообще всегда запретом (отит имел свои последствия), но я бы с удовольствием вокалировал, если бы у меня был к этому талант. Пою я действительно фальшиво. (*Смеется*). В школе я всегда стоял в заднем ряду во время уроков музыки.

Если серьезно, то наиболее легко, полагаю, мне дается духовный уровень, который выражается в песнях. Поэтому я очень люблю оперу. Ценю именно просмотр оперы в театре, так как в подобном разворачивающемся действе музыка становится еще более понятной. Певец позволяет услышать ту или иную симфонию, а театральная игра увидеть ее. Однако как, например, смотря балет, я не могу по-настоящему читать язык тел, так и не доступен мне непосредственно музыкальный язык. Но в оперном спектакле всегда есть сопровождающий представление текст. (*Улыбается*). Грубо говоря, что имеется в виду в данный момент в тексте, то и передается в трансформированном виде в музыке, сопровождающей данный фрагмент. Вот как я это вижу. С другой стороны, возможно, наоборот, музыка «проговаривает» то, что написано в тексте.

В любом случае, не имея музыкального образования, в опере я все равно могу «прожить» определенный музыкальный текст. Например, можно обратиться к такому философскому понятию как «эрос». Я работал с данным понятием, анализируя оперу «Дон Жуан, или Наказанный развратник» (итал. Don Giovanni ossia Il dissoluto punito). Так вот насущным вопросом для меня являлось следующее: Дон Джованни (неважно в опере или текстуальной версии) проникает в покои донны Анны. Девушка сбегает от него, взывая к помощи своего жениха. Дон Джованни успешно скрывается от последнего, убив предварительно в поединке отца севильской красавицы, Командора Севильи.

Вопрос же в том, почему убегает донна Анна? Потому, что ее удерживает дон Джованни. Так как он ее удерживает, многими данный сюжет интерпретируется сразу как намерение изнасиловать девушку. Но для меня лично дон Джованни не насильник. Он — соблазнитель (нем. Verführer). Дон Джованни очаровывает кого-то и воздействует на него таким образом, что последний просто не может потом избавиться от мысли о нарушителе покоя.

Донна Анна позже поет своему жениху, что она хочет схватить донна Джованни. Полагаю, тот как бы разбудил ее чувства, при чем самые разные (и страсть, и желание мстить, и др.). Так случается с большинством «жертв» донна Джованни. До этого донна Анна не чувствовала такого прилива эмоций и чувств.

Жених трижды спрашивает ее, не хотела бы она принять его — донна Оттавио — предложение о замужестве. При этом он говорит девушке, что хочет быть ей и другом, и отцом. Но донна Анна постоянно отвечает «Подожди, моя любовь... подожди...». На самом деле ей не нужен ни друг, ни отец. Ей необходим возлюбленный, любовь, сопровождаемая

страстью и силой, которая поможет ей осознавать себя женщиной. Особенность же здесь в том, что это внутреннее изменение не понять через оперу, воспринимая только лишь игру и слова. Тут просто необходимо вслушиваться в саму музыку. «Говорит» ли она о страсти или о бесчинстве. Она пробуждает, так сказать, эротику или все-таки ведет к мысли об изнасиловании. Это чувство и понимание должны прийти именно из музыки. Я также говорил с одним музыковедом. Он сказал, что такие тонкости в музыке очень тяжело отличать непрофессиональному уху. Кроме того, необходимо изначально пережить, конечно же, все то, что «пробуждает» данная музыка. Мужчине к тому же нужно понимать, как сама женщина переживает это музыкальное произведение В. А. Моцарта. Может ли мужчина прочувствовать то, что испытывает женщина, оставшись одна после подобного покушения на ее честь? Например, дон Джованни всегда просто уходит, вне зависимости добился ли он действительно от женщины близости, — данные моменты опера всегда умалчивает. Мы сталкиваемся лишь с реакциями женщин. Сначала — женское противостояние дону Джованни, затем наблюдаются восторги многих из «жертв». Девушки не могут есть, беспокойно спят, в головах свербит мысль «я хочу быть очарована, соблазнена, побеждена». Именно эти желания выводит на поверхность и музыка. Но прямо, конечно же, мы не можем этого утверждать.

Так вот дон Джованни все-таки именно соблазнитель, очаровывающий до такой степени, что человек не может перестать о нем думать очень долгое время.

Да, я определенно люблю оперу за ее многомерность. (*Улыбается*).

ПЕРИОД ВОЙНЫ И ПЕРИОД ИЗМЕНЕНИЙ

На какие эпохи или периоды Вы разделили бы XX век?

Период войны и период изменений (через войну к миру). Эта война, которую мы наблюдали, является наглядным примером того, что мы можем убивать, что мы можем бездумно выполнять подобную «работу»...

Есть ли произведения искусства, которые, на Ваш взгляд, максимально полно выражают дух этих периодов?

Конечно есть такие произведения искусства, которые пропитаны именно духом этих переломных событий. Это, например, многочисленные военные памятники. Но тут я больше ценю «произведения нашей памяти», нашего сознания, наших чувств: память о погибших родных, их образы, их яркие моменты жизни; внутреннее предчувствие мира (но мир никогда не приходит, есть лишь некая продолжительная по времени остановка). *Умиротворение, примирение и Мир* — все это также можно назвать отчасти «произведениями искусства».

Как Вы впервые столкнулись с явлением войны?

Я родился во время войны. Термин «война» в то время был совершенно повседневным словом. Оно звучало в нашей обыденной жизни очень часто и не обладало уже никакой примечательностью. Как и такое слово как «бомбардировка».

Я вспоминаю, как мы должны были прятаться в какой-то столовой или еще где-то, когда звучала тревога по всему городу. Страшно, что мы никогда не знали, куда попадут эти бомбы, сбрасываемые авиацией.

Таким образом, мои первые осознанные впечатления от войны — *необходимость защиты, укрытия от войны*.

Сохранились ли у Вас письма (родственников) со времен Второй мировой войны?

К сожалению, у меня нет писем времен Второй мировой войны от родственников. Мой отец (он один из первых вернулся домой), крайне редко посылал письма. Возможно, у нас есть всего одно письмо. Если и была другая корреспонденция, то, скорее всего, она была уничтожена или еще что...

Но письма, конечно же, одни из самых интересных свидетельств того времени. Из них мы может черпать те эмоции и мысли, которые сами свидетели войны испытывали и обдумывали.

Участвовали ли Вы когда-нибудь в своей жизни в демонстрациях, касающихся военной тематики?

Я участвовал в некоторых демонстрациях пацифистского характера. Но тогда войны уже и не было. Ну, честно говоря, я был наблюдателем всего этого, не прямым участником. Это было уже в Америке, куда я впервые приехал ненадолго. Эта была демонстрация против войны во Вьетнаме. Помню, у меня глаза разбегались, а у многих демонстрантов они были наполнены слезами. Все-таки в подобных акциях участвуют именно близкие последователи тех или иных идей, непосредственные пострадавшие и их родственники, друзья. Я на тот момент прекрасно осознавал, что это не моя война. Было бы просто неуместно протестовать против подобных военных действий рядом с теми, кого действительно затрагивала данная ситуация, рядом с теми, кто ее осознавал и представлял себе намного яснее, чем я.

Что для Вас значат фразы «уроки Прошлого» и «вина и долг поколений, пережившим войну»?

Во-первых, можно лишь условно учиться у Прошлого, так как сама история не повторяется. Но, конечно, мы не можем игнорировать прошлое. Прошлое демонстрирует нам те ошибки, которые в настоящем возможно избежать. Ведет к осознанию того, что определенные действия имеют определенные последствия. Демонстрирует то, что делать категорически не следует.

Касательно второго вопроса, я думаю, что поколения, участвовавшие в войне, не в чем винить. Здесь не стоит говорить ни о вине, ни о долге. Виноваты ли целые поколения в развязывании Второй мировой войны? Виноваты ли целые поколения в развязывании Первой мировой войны? Нет. Это и не всеобщая вина, и не всеобщий долг.

Что по Вашему подразумевает под собой понятие «памятник»?

Одно слово с заглавной буквы? Das Denkmal? Не «denk mal»? (*Смеется.* В немецком языке «das Denkmal» соответствует понятию «памятник», но слово раскладывается на глагол «denken» (с нем. *думать*) и «mal» (с нем. наречие *разом*), что можно на русский язык перевести как «подумай-ка» — прим. АИПА). «*Ehre, wem Ehre gebührt*» (кто сделал нечто особенно важное, должен быть удостоен за это чести и признания). Но сейчас слишком много памятников.

О РОССИИ

Когда слово «Россия» начало Вами восприниматься как реально существующая страна, а не только как место на карте?

Когда я был ребенком, меня окружало немало людей из России. Их было внушительное количество уже в моей стране, в Австрии. Таким образом, я точно знал, что эта определенная страна, и что она определенно существует, так как именно из России и были эти какое-то время чужие мне люди. (*Смеется.*)

Какое действительно событие повлияло на более полное формирование в моем сознании образа России как страны, так это мой первый приезд туда. Это были 90-ые гг. Тогда я заметил, что русские люди совершенно другие, не такие, как я слышал. В России я

познакомился со множеством очень достойных преподавателей, высоко уровня профессорами и научными работниками.

Однако Россия, конечно же, огромная страна. Очень сложно охватить полностью российское общество, как-то кратко представить его. В Санкт-Петербург приезжает огромное количество молодых людей студенческого возраста, но в основе своей лишь немногие из них действительно открыты для учебы, изучения и узнавания чего-то нового. Остается вопрос, почему же, приезжая в такой город, у них не возникает подобного желания...?

С каким первым образом у Вас связано представление о России? О русских?

На разных этапах моей жизни, очевидно, различные образы переключаются у меня с представлением о русских людях. Первое впечатление — русские солдаты. Второе, более позднее впечатление — Ю. Н. Солонин (профессор, доктор философских наук Солонин Юрий Никифорович (1941-2014 гг.), декан Философского факультета СПбГУ с 1989 по 2010 гг., член Совета Федерации РФ, автор более 300 научных трудов, в том числе 12 индивидуальных и коллективных монографий. — прим. АИПА).

Какие тексты (художественные, научные, философские) были источником Ваших представлений о России до первого посещения данной страны?

Ой, я вообще не читал никакой литературы о России на тот момент. Было и так многое известно о данной стране. Вот когда я отправлялся на Тибет, тогда я знакомился со множеством источников, рассказывающих об этом районе Центральной Азии. Но о России мы знали уже многое со школы, к тому же нам рассказывали немало интересной информации сами взрослые. Некоторые были в России во время войны, так сказать, бывшие военнопленные и т. д. Да, я не читал книг о России перед тем, как отправиться в эту страну. И, жалко, не было книг о самом Санкт-Петербурге. Я был совершенно поражен этим городом, приехав туда в итоге «открытым для всего».

Когда Вы впервые приехали в Россию? Почему?

Примерно в 1997 г., полагаю, когда получил приглашения от Санкт-Петербургского Университета. Тогда в России было совершенно не так, как сегодня. (*Улыбается*). Самое интересное, конечно, было наблюдать за жителями Санкт-Петербурга. Особенно были интересны актуальные в то время наряды русских женщин. Они все были одеты, как

жительницы Восточной Германии. Бедно, надо сказать. И в один момент все как-то изменилось. Почему-то я заметил, что русские студенты одеты сегодня лучше, чем студенты Университета Гейдельберга (нем. Ruprecht-Karls-Universität Heidelberg — прим. АИТИА).

Какое воспоминание, связанное с первым визитом в Россию, занимает особенное место в Вашей памяти, в Вашем сердце?

Санкт-Петербург очень впечатлил, просто прекрасный город, открытый миру, всему новому, с очень дружелюбным населением. Не похож на Гейдельберг, другие города Германии.

Вспоминается, мы с женой (моя супруга приехала со мной) спросили одну женщину по поводу местонахождения какого-то здания или улицы. Мы не знали русского, она не понимала по-немецки. Тогда все дружно прильнули к карте. Женщина взяла мою руку, стала водить моим же пальцем по этой самой карте. В общем, здесь фиксируется совершенно разное чувство тела. Для русских подобная телесная близость ничего не значит, обычное дружелюбие и благорасположение. Для нас же такой телесный контакт совершенно непривычен.

Мы все-таки по-разному чувствует и относимся к многим вещам. Главное, чтобы это не приводило к негативному недопониманию. Важно понимать и осознавать это, знать особенности коммуникации того или иного народа.

Еще один случай — мое приветствие с секретарем при университете. Я подал женщине руку, чтобы поприветствовать ее. Секретарь резко вскочила, совершенно ошарашенная, как будто я черт какой-то. (*Смеется*). Я просто не знал, что в России не совсем привычно пожимать при приветствии и прощании женщине руку. Это слишком демонстративно, как вам кажется. Вот такие мелочи, конечно, очень интересно наблюдать, узнавать особенности общения и стараться вести себя соответствующим поведению принимающей стороны образом.

Как часто Вы бываете в России?

В среднем, наверное, два раза в год. Но в целом, я пока был в России около 3 или 4 раз.

Ваши разговоры о России со сверстниками, коллегами, студентами, членами семьи имеют какие-то повторяющиеся темы, образы?

Да, конечно. Есть такая универсальная тенденция, что, когда ты встречаешься с разными людьми или группами лиц, темы разговоров всегда повторяются. (*Смеется*). Но вот с преподавателями повторяющиеся темы помогают каждый раз обращаться к ним с разных

углов, так сказать. Каждый ведь имеет свой собственный интерес при рассмотрении того или иного схожего сюжета. Мои рассказы о России тоже не всегда одни и те же. *(Улыбается)*. Зависимость разворачивания той или иной темы разговора от партнера по диалогу несомненна.

С каким музыкальным образом у Вас ассоциируется чувство России, русских?

Ох, это сложно. Скорее это Ленинградская (Седьмая) симфония Д. Шостаковича.

Какие зрительные образы могли бы символически выразить Ваше видение России в разные периоды (начало перестройки, нулевые, современная Россия).

Зрительных образов, связанных с современной Россией, мне не подобрать. Про нулевые — не знаю. Это вопрос на эрудицию, должен отметить. *(Улыбается)*.

Какие герои русской и немецкой истории особенно интересны для Вас как личности?

Екатерина Великая. О ней очень много книг переведено на немецкий язык. Петр Великий, конечно. Читал и о Ленине, чтобы понять русское видение марксизма.

У Вас много друзей в России?

Я приобрел в России действительно несколько очень хороших друзей. В первую очередь, конечно, это преподаватели и научные сотрудники Института Философии СПбГУ. Также я отметил для себя, что русские очень хорошо понимают, так сказать, «сложные времена», знают, как такие периоды надо переживать.

Насколько влияет на Ваше общение и выстраивание деловых, дружеских отношений с русскими коллегами языковой барьер?

Я совершенно не знаю русского, тем не менее мы без проблем можем вести беседу любого рода друг с другом. На английском или немецком языках. Многие русские, должен отметить, хорошо говорят на немецком языке. Таким образом, язык никогда не был неким препятствием для коммуникации, хотя я осознаю, что необходимо немного поучить русский язык. *(Улыбается)*.